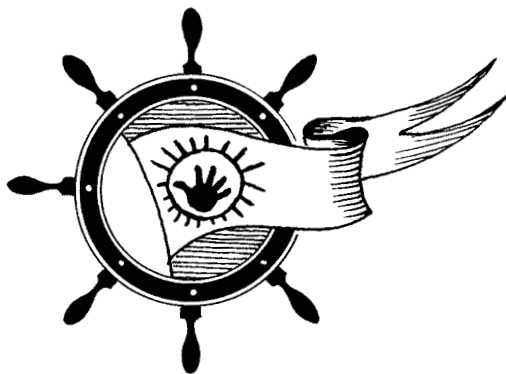

Владислав Крапивин

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ДЛЯ БРАТА

Повесть

Рисунки Евгения Медведева

Москва
Издательский Дом
Мещерякова
2019

ГЛАВА 1

Мама разбудила Кирилла в три часа ночи.

В это время он вёл «Капитана Гранта» мимо жёлтого утёса, с которого палила из всех орудий могучая береговая крепость. Перед её амбразурами вспухали белые дымы, а вокруг судна выросли фонтаны от ядер.

Ядро грохнулось о рубку и разлетелось на зелёные и красные осколки.

— Это арбуз! — весело завопил Митька-Маус. — Арбузами стреляют! — Он высунул из-за рубки кудлатую голову.

— Уберёшь ты свою несносную башку? — крикнул Дед.

«А почему не слышно выстрелов?» — подумал Кирилл и услышал:

— Кирюша, встань. Встань, помоги, пожалуйста. Может быть, у тебя он скорее уснёт...

Ещё не расставшись с весёлым сном, Кирилл уже слышал, как за стеной вопит Антошка. «Ну даёт», — подумал Кирилл. Потряс головой, взглянул на маму и опустил с кровати ноги.

Мама виновато сказала:

— Не могу успокоить. Может быть, укачаешь его своим хитрым способом?

Кирилл снова потряхнул головой, разгоняя остатки разорванного сна: они, будто обрывки тумана, плавали вокруг. И Дед с Митькой словно всё ещё были здесь.

Антошка после нескольких секунд перерыва завопил с новой силой. Кирилл откинул одеяло и побрёл в соседнюю комнату.

Спелёнутый Антошка лежал в своей решётчатой кровати и орал вдохновенно и старательно. Что-что, а реветь этот человек умел и любил. Маленькое красное лицо его было сморщено, глаза крепко зажмурены, а беззубый рот открыт до отказа.

Нельзя сказать, что в такие минуты Кирилл ощущал нежную любовь к братцу. Но ни досады, ни злости он не чувствовал. Не то что два месяца назад. Тогда у Кирилла при Антошкином рёве просто зубы стискивались. От беспомощности и отчаяния он сам готов был зареветь.

Однажды, когда мама ушла на рынок, а месячный Антошка проснулся и никак-никак не хотел успокаиваться, не затихал ни на руках, ни в кроватке, Кирилл замычал и швырнул ему в лицо скомканную пелёнку. Антошка на секунду притих, а потом закричал ещё громче. И такая обида почудилась Кириллу в этом крике, что он тут же назвал себя последним гадом, вделал себе кулаком по уху, опять схватил Антошку и начал у него, бестолкового и отчаянно орущего, шёпотом просить прощения. А потом, не зная уже, что придумать, запел изо всех сил:

Дайте в руки мне гармонь —
Золотые планки.

И Антошка постепенно умолк. Успокоился кроха. А Кирилл, ласково и осторожно прижимая братишку, носил и носил его по комнате и всё пел.

В тот день было сделано открытие: лучше всего Антошка успокаивается под песни старшего брата. Мамины песни — тоже ничего, но действуют они когда как. А стоит запеть Кириллу — и горластый братец притихает. Ведь, казалось бы, совсем несмышлёныш, а что-то чувствует, знает голос Кирилла. Он и песни стал различать, когда сделался постарше: одни просто слушал, под другие начинал дремать. А после большого рёва успокоить и заставить уснуть его можно только одной песней. Совсем не похожей на колыбельную...

— Ну, чего трубишь? — сказал Кирилл. — Давай иди сюда. У, рёва... Кто обидел Антошку? Что-нибудь страшное приснилось? Что в школу повели? Не бойся, ещё не скоро... Мама, помоги его взять...

Антошка выдал новый вопль. Кирилл прижал его к груди, покачал, шагая из угла в угол, и запел про опалённые солнцем спящие курганы и про туманы, которые ходят чередой.

Антошкин крик стал потише, и в нём послышались вопросительные интонации. А к концу песни братец совсем затих. Но не спал, таращил глаза. Тогда Кирилл решительно спел

В магазине он сунул в авоську два батона и половинку украинского каравая, прихватил пирожок с повидлом, чтобы пожевать на ходу. Он почти забыл о курчавом незнакомце, но, когда вышел на улицу, увидел его снова.

В одной руке парень тащил полиэтиленовый пакет с батонами, в другой — сумку, которая весила, наверно, килограммов двадцать. «Что в ней такое?» — машинально подумал Кирилл. Парень словно услышал его. Посмотрел и улыбнулся опять. Теперь это была другая улыбка: немного насторожённая и виноватая какая-то. Парень словно просил: «Ты не смейся, пожалуйста, что я так неуклюже ковыляю со своей тяжестью...»

Кирилл не успел сразу отвести взгляд. А когда отвёл, уходить было уже неловко. «Вот так всегда с тобой...» — обругал он себя. Подошёл и сказал, глядя в землю:

— Дайте одну ручку... Вам далеко?

Парня звали Геннадием. Жил он в Заовражке — старом районе, где все улицы были похожи на деревенские. Весной там пышно цвела над косыми заборами черёмуха, летом дороги зарастали мелкой травой, а зимой лежали вдоль улиц длинные сугробы и над заснеженными крышами стояли прямые столбы дыма.

От многоэтажных кварталов, где жил Кирилл, до Заовражка полчаса ходьбы. А если на автобусе — тоже полчаса, потому что автобус идёт окружным путём, через большой мост. Этот мост построен над оврагом, в котором течёт неглубокая речка Туринка. Недалеко от моста Туринка сливается с другой речкой, у которой громкое название — Ока...

Сначала Кирилл решил, что поможет нести сумку только до автобусной остановки. Потом пробурчал: «Да ладно, я не тороплюсь» — и поехал. И оказался наконец на улице Осипенко, у дома номер четырнадцать, перед калиткой со старинным железным кольцом.

— Вот и приехали. Заходи, — пригласил Геннадий.

Дом был большой, с застеклённой верандой, выходявшей во двор. Кирилл увидел старое, но уютное крыльцо. Однако

ему собирать чемоданчик, чтобы ехать в пионерский лагерь. В этот лагерь Митьку активно пытались сплавить родители.

Митька молчал и отчаянными глазами смотрел на чёрное дело своих рук. Точнее, на оранжевое дело. Потом тихонько заревел.

Сначала все ужасно опечалились. Масляную краску до конца не отскрести и не отстирать, значит, нужна заплатка, да ещё с двух сторон: оранжевая лапа Мауса проступила сквозь парусину.

И вдруг Кириллу пришла в голову счастливая мысль:

— Слушайте, а ведь у яхт всегда есть знаки на парусах! Всякие эмблемы! Пускай у нас будет знак руки.

— В честь чего это? — хмуро спросил Дед. — В честь этого обормота?

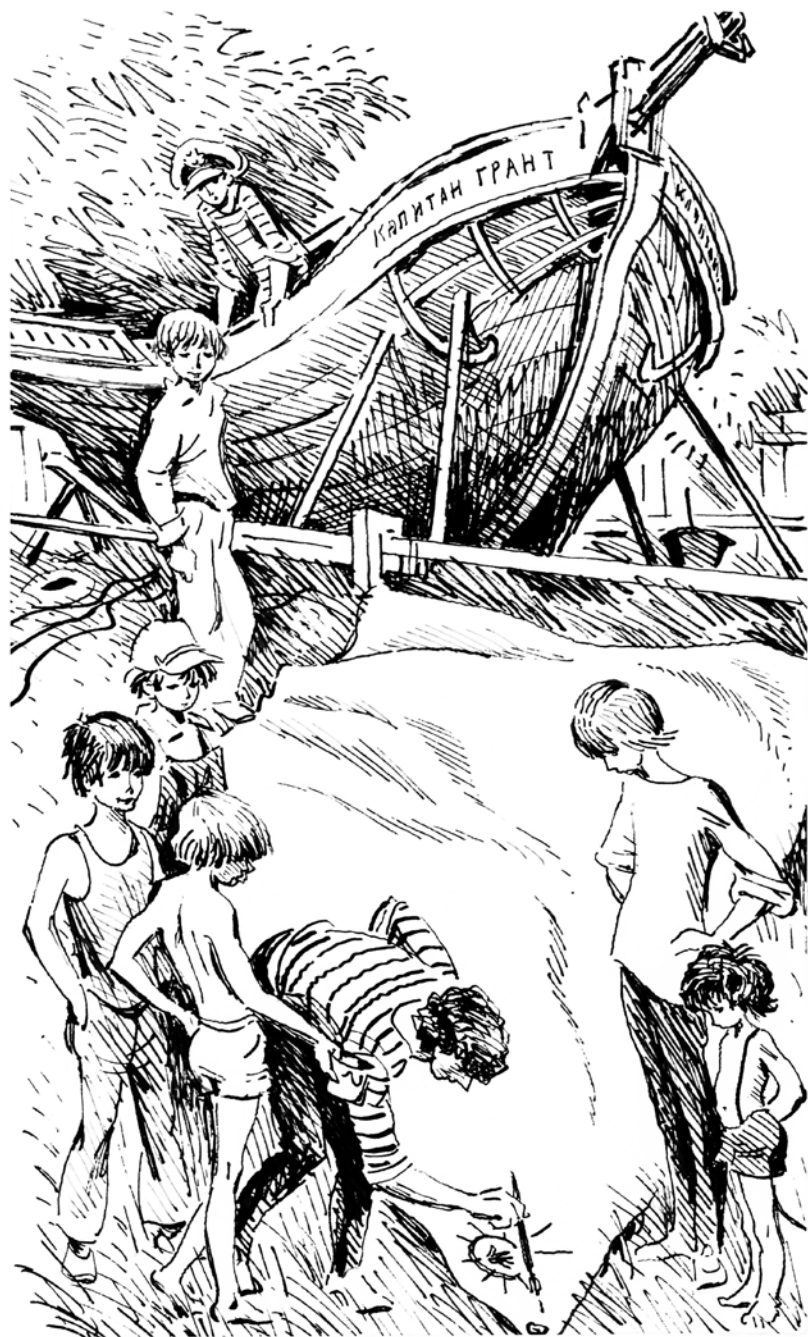
Но было уже ясно, что мысль подходящая.

— Это будет означать, что мы всё сделали своими руками, — разъяснил Алик Ветлугин.

Они в самом деле почти всё сделали сами, если не считать дырявого старого корпуса шлюпки. Но и его пришлось приводить в порядок: менять доски обшивки, обдирать, олифить, шпаклевать, шкурить, красить... И паруса выкраивали сами, только сшивать на машинке помогала Митькина мама, которую ребята почтительно называли Надеждой Николаевной. А сам Митька добросовестно исколол иглой все пальцы, пришивая к парусным кромкам пеньковую верёвку — ликтрос. И, вспомнив про это, все решили, что будет даже справедливо, если Митькина ладонь навеки останется на парусине.

Дед проворчал, что только чудо спасло бестолкового Мауса от ссылки в лагерь «Весёлые Ключи». Все понимали, что угроза была липовая, но торжественно поздравили Митьку. Потом Дед поаккуратнее прорисовал на парусине Митькину ладонь, обвёл её оранжевым кругом, а к этому кругу присоединил острые лучи.

Получилась ладонь в солнышке. Так и появилась эмблема «Капитана Гранта».

Кирилл не увлекался этим делом, как отец. Во-первых, терпения не хватало, а во-вторых, это всё-таки модель. Вот если бы настоящий корабль построить!.. Но помогал отцу он охотно. В свободные вечера они усаживались перед фрегатом и дружно занимались оснасткой. Отец вытачивал тоненьким напильничком лапу бронзового якоря или спицу крошечного штурвала, а Кирилл особым узлом ввязывал в ванты ступеньки из ниток — выбленки. Это у него здорово получалось.

Они работали и о чём-нибудь разговаривали. А иногда пели морские песни. Папа сипловатым баском, негромко, а Кирилл сперва тоже тихонько, а потом от души...

Однажды Кирилл спросил:

— Папа, ты с детства кораблями увлекаешься, а почему на Сельмаше работаешь? Почему не стал судостроителем?

— В нашем-то городе? Бред какой... — сказал отец, разглядывая под лампой узорчатую крышку для кормового фонаря.

— Почему в нашем? Поехал бы куда-нибудь. Ты же был неженатый...

— Не мог я после школы. Мама, твоя бабушка, болела. Ну и пошёл я на Сельмаш. Сперва для заработка, а потом понравилось. Люди хорошие были вокруг, расставаться не хотелось. Знаешь, повезло мне с людьми, до сих пор радуюсь...

Он надел крышку на фонарь и полюбовался работой. Потом сказал:

— Между прочим, комбайны тоже корабли. Наверно, сам видел, как они по хлебам идут. Будто по волнам. И штурвалы...

— Видел, — согласился Кирилл.

Но комбайны были всё-таки сухопутными кораблями. А Кирилл думал о парусниках. Он предложил:

— Давай построим яхту. Хотя бы маленькую, на двоих.

— А что! Это идея. Вот только время выбрать...

Но яхта — не модель, время не выбиралось. Хорошо, что судьба улыбнулась Кириллу и привела его на улицу Осипенко...

На следующий вечер после разговора Деда с племянницей, который невольно подслушал Кирилл, отец попросил:

носом к ветру на повороте оверштаг. Митька-Маус научился лихо выносить на ветер стаксель, помогая судну лечь на новый галс. Валерка освоил работу на бизани — маленьком кормовом парусе, который очень важен для манёвренности корабля. Стал послушен ребятам тяжёлый парус — грот...

Сначала ходили вдоль берегов и не решались ставить верхние паруса. Потом осмелели и стали чертить озеро вдоль и поперёк, не убирая топсель и летучий кливер даже при четырёх баллах...

У штурвала стояли все по очереди. Но Кирилл стоял чаще других. Он не лез без спросу и безропотно уступал место, если кто-то просил, но при первой возможности опять хватался за рукоятки рулевого колеса. А если такой возможности долго не было, он смотрел так жалобно, что Дед говорил:

— Не мучьте вы человека, пустите к рулю. Сохнет ведь...

Ребята добродушно смеялись и пускали. А потом уже и не смеялись...

«Капитан Грант» был в меру послушен и в меру капризен. Но Кирилл знал, когда и как закапризничает корабль. Он научился угадывать каждый его рывок, каждое шевеление. Знал, чего можно требовать от «Капитана Гранта», а чего нельзя. Он чувствовал его, как живого.

Бывали моменты полного торжества, когда при хорошем ветре, кренясь и вздрагивая, «Капитан Грант» набирал скорость и делался послушен самому маленькому шевелению пальцев Кирилла. Тогда Кирилл сливался с парусником в одно существо. Нервы его будто вращались в штуртросы и натянутые шкоты. И словно по нему самому, а не по чёрной лаковой обшивке била тугая вода...

Наверно, так скрипач сливается со скрипкой, когда музыка захлёстывает его целиком, когда он сам становится музыкой.

Кирилл никогда не пел, стоя за штурвалом, но внутри у него всё пело...

Иногда Кирилл «испытывал нервы» экипажа. На полном ходу он мчался к дощатому пирсу, грозя разнести его в щепки, и лишь у самого причала делал поворот. Паруса тяжело

опадали, а «Капитан Грант» мягко подкатывал к мосткам округлым чёрным бортом с белой полосой.

Несколько раз Валерка и Алик не выдерживали и хватались за штурвал, чтобы отвернуть пораньше. Кирилл злился, а раз даже саданул Валерку локтем: что за манера лезть под руку рулевому! Валерка, к счастью, не обиделся, но Дед сказал:

— Грохнешь ты нас однажды, Кир.

— Не грохнет, — заступился Саня. — Он знает. А тренироваться на таких поворотах надо. Может быть, пригодится...

Потом в самом деле пригодилось.

ГЛАВА 7

От Кирилла Женя Черепанова сразу же отправилась в школу, чтобы сообщить, как выполнено задание. Или, вернее, не выполнено, потому что родителей Кирилла она не застала. И хорошо, что не застала. Что она могла им сказать? И как потом смотрела бы на Кирилла?

А с Кириллом разговор получился какой-то странный... и хороший. Вроде бы сердитый, а всё равно хороший. И кажется, Кирилл не обиделся на неё всерьёз. Значит, понял, что она не по своей воле...

А не всё ли равно ей, Женьке, понял он или нет? Очень обиделся или не очень? Он же ей совершенно безразличен. Подумаешь, Кирилл Векшин! И насчёт третьего класса она наврала. Почти... Мало ли что бывает в раннем детстве!

Она про него и не думала раньше. Вернее, думала очень просто: «Этот Векшин такой скромный и покладистый». А потом, сегодня: «Этот Векшин стал такой нахальный...»

А он не тихий и не нахальный. Оказывается, он гордый.

Ну что же, она тоже гордая...

Женя знала, что Еву Петровну следует искать в биологическом кабинете, и поднялась на второй этаж. Школа теперь немного напоминала детский сад. Пёстрая, скинувшая форму малышня из продлёнки мельтешила в коридоре. С лестничной площадки её успокаивала трубным голосом старший

воспитатель Тамара Гавриловна. Но в закутке, где находилась дверь кабинета, было тихо.

Женя поёжилась перед дверью. Биологический кабинет она не любила, хотя в нём всегда было светло и зелено. Не любила за многочисленные черепа, которые скалились с витрин. Звериные и человечески. Особенно неприятной была витрина с шеренгой черепов, которые показывали происхождение человека: череп обезьяны, питекантропа, синантропа и так далее — до современного. И хотя черепа были гипсовые, добродушные и с неизменными самокрутками в жёлтых зубах (как самокрутки попадали в наглухо завинченную витрину, было многолетней школьной тайной), Женька всё равно старалась на них не смотреть.

А через верхнее стекло высокого шкафа улыбался скелет. Он будто говорил Женьке Черепановой: «Они гипсовые, но я-то настоящий. Гы-ы...» Он как бы намекал на её отдалённое будущее...

Женя проскочила кабинет и оказалась перед закрытой дверью лаборантской комнаты. Ева Петровна обычно сидела там. Женька хотела постучать и в этот момент услышала голоса: один — незнакомый мужской, другой — Евы Петровны.

Мужчина говорил быстро и почти весело. А может быть, нервно. В голосе у Евы Петровны звучала вежливо замаскированная досада.

— ...Я уже поняла. Вы и директору сказали то же самое.

— И могу повторить, — так же весело откликнулся мужчина.

— Не надо, — сказала Ева Петровна. — Мне всё понятно. Но я на вашем месте смотрела бы на вещи не так. Гораздо проще. И случись это с моим сыном, я бы ему...

— Я вас понял, — перебил мужчина. — Хотя, честно говоря, мне это странно слышать от учителя. Я ни разу в жизни сына пальцем не трогал. И, уверен, впредь никогда не трону. Подло это. Если я Кирилла ударю, мы же потом всю жизнь будем глаза прятать друг от друга.

«Отец Кирилла!» — поняла Женька. Можно было, пожалуй, уходить, но она словно приклеилась к месту.

